

пре творчества

ЛЮБОВЬ К ОДНОМУ ЖАНРУ

РАЗГОВОР получился довольно долгим. Беседовали о разном. О самом разном. Ибо человека, всю свою жизнь посвятившего искусству, как правило, меньше всего тянет говорить на темы чисто профессиональные. Его волнует жизнь — во всей многогранности ее аспектов, во всей сложности ее проявлений. Проявляться она может и в служении искусству, но главным для человека всегда будет оставаться первооснова — сама жизнь, искусство это питающая.

Беседовали о разном. И все-таки это была беседа с актером. С режиссером, воплотившим в жизнь давнюю свою мечту — о собственном театре. Театре сатиры и юмора. И больше всего мы говорили именно о нем — молодом театре «Студия Старого города», в репертуаре которого столько разноплановых комедийных пьес, что ему может позавидовать любой сценический коллектив.

Беседовали о разном. Меньше всего — о юморе. Человек, чья профессия — часами держать зал на высочайшем комедийном градусе, в жизни абсолютно серьезен. И в этом, наверное, кроется секрет подлинного юмориста: смеша зрителя до слез, самому хранить на лице выражение полюсного состояния и быть убежденным в том, что состояние это в сей момент — точно найденное и единственно верное.

Моим собеседником был **Эйно Баскин**, чей сатирический герой давно и хорошо знаком радиослушателям, телезрителям, любителям эстрады и комедийного театра.

— Комедийный актер, вы отлично известны самому широкому зрителю, но, наверное, даже не каждый театрал знает, как вы пришли в режиссуру. Так как же?

— У меня нет специального режиссерского образования, хотя активно занимаюсь режиссурой примерно 14 лет. Все началось в театре драмы имени В. Кингисеппа, когда Вольдемар Пансо дал мне возможность поставить «12 стульев» по Ильфу и Петрову. Это было чрезвычайно трудно, потому что роль Остапа Бендера в этом спектакле играл я сам. Только теперь я стал отчетливо понимать, насколько немислимой была эта затея: режиссер обязан контролировать действия актера, но, наверное, даже безгранично талантливый человек не способен объективно оценить себя со стороны. В такой ситуации, на мой взгляд, может быть только один возможный выход: сделать окружение главного героя слабее, чем сам герой — как в одном спектакле о Петре I, когда не смогли найти двухметрового исполнителя, ему подобрали окружение, где все были на 20 сантиметров ниже взятого на роль царя актера, и он среди них выглядел вполне высоким человеком. Мне как режиссеру этот вариант не подходит, ибо потери спектакля при нем неизбежны. И я всегда стремлюсь к тому, чтобы любую мою постановку играл ансамбль ярких индивидуальностей.

К тому времени, как я занялся режиссурой, специально учиться этой профессии мне было поздно. Но моей школой стала работа рядом с

такими замечательными мастерами, как Николай Акимов, Вольдемар Пансо. Пансо всегда помогал людям, понастоящему заинтересованным, и делал это щедро, от души. После того, как я поставил «Энергичные люди» В Шукшина с прекрасными актерами Юри Ярветом и Итой Эвер, мне дали «зеленую улицу» в режиссуре. Но драматический театр есть драматический театр — ему нужна серьезная пьеса, ему нужна трагедия. Комедий в нем чаще всего — одна премьера в год. А меня тянуло к комедийному жанру. Я видел в нем массу возможностей. Ведь комедия почти всегда — кассовый спектакль, что немаловажно для театра. Но комедия, поднимая острые социальные проблемы, может быть и серьезным спектаклем.

— Значит, все определила любовь к жанру?

— И понимание его возможностей. Комедия по природе своей призвана разбавлять и высмеивать человеческие пороки и негативные проявления — стяжательство, коррупцию, взяточничество и, увы, многое, многое другое. Это возможно, конечно, и в драме. Но не каждый зритель подготовлен настолько, чтобы улавливать сложные ассоциации и тончайшие нюансы драматического спектакля. Комедия — прямее, и адресата своего скорее находит.

— Именно поэтому вы 30 лет отдали эстраде?

— И за эти годы сделал 15 эстрадных спектаклей, из которых каждый игрался примерно 200 раз. А «Последний поезд» — даже 300.

— Но дефицит комедии на сцене драматического театра все-таки не давал покоя?

— Это вы верно заметили — именно не давал покоя. И тогда я предложил нашему главному режиссеру Микку Микиверу поставить спектакль «Аллегро модерато» по пьесе нашего замечательного сатирика Михаила Жванец-

кого «Концерт для...». В нем играли очень хорошие актеры, но художественный спектакль в штыхы.

— Не понравился?

— Не в этом дело. Было высказано мнение: в академическом театре такого рода комедии, близкой к эстраде, места быть не может. И вот тогда-то я понял: надо создать театр, в котором будут ставиться только сатирические, остросюжетные пьесы. Идею эту поддержали Министерство культуры республики, руководство филармонии. Так и родилась наша «Студия Старого города», коллектив которой сегодня насчитывает 35 человек. 1 марта ей исполнится три года, и пока театр официально существует при филармонии. Станет ли он самостоятельным, покажет будущее, но уже сегодня у него очень разнообразный репертуар: «Дело» Сухова-Кобылина и «Команда» молодого драматурга С. Злотникова, «Крепкий мужик» В. Шукшина и «Кто чихнул?» француза Пьера Шено... А открывались мы спектаклем «Вне всякого сомнения» по Михаилу Жванецкому.

— Вы питаете к этому писателю особое пристрастие?

— О, да! И свидетельством тому — подготовка к новой постановке по его пьесе «Кто виноват?». Жванецкий — великий выдумщик. Этого так не хватает многим современным комедийным авторам. Крутятся, крутятся вокруг «жэковских» проблем, будто нет у нас ничего более злободневного. Жванецкий же сумел затронуть в своем творчестве человеческие взаимоотношения и успешно их исследует в самом что ни на есть сатирическом жанре. Любовных сцен в литературе написан миллион. Но Жванецкий и здесь сумел найти неожиданнейший поворот. Помните его историю о том, как возникла взаимная симпатия у русского и американки, но они никак не

могли объясниться в своих чувствах только потому, что в разговорниках, которые оба приобрели, написана какая угодно ерунда, кроме таких необходимых человеку слов, как «люблю», «счастлив видеть тебя...».

— Но насколько можно судить по репертуару, лицо вашего театра определяет не только такого рода комедийная драматургия?

— О лице театра говорить пока еще рано — три года слишком небольшой срок. Но, мне кажется, мы на правильном пути. Нас интересует и Вильде, и Эни Ветемаа. В репертуарном плане — пьеса нашего завлита Тоомаса Калла с условным пока названием «Обеденный перерыв». Много внимания уделяем русской классике, думаем о Мольере. Ведь на классическом репертуаре актер растет — учится лепить образ, создавать характер, наконец, носить костюм и двигаться по сцене. Для того, чтобы вырисовалось лицо театра, нужны десятилетия, но уже сейчас важно то, что мы заняли в наших спектаклях прекрасных актеров, которые годами сидели без работы, а на сцене «Студии Старого города» сумели проявиться чрезвычайно интересно: это Олав Эскола, Фердинанд Вейке, Хейно Торга, Эйли Сильд. А костяк театра составили выпускники кафедры сценических искусств нашей консерватории.

— Над чем сейчас работает ваш театр?

— В марте зрители увидят премьеру спектакля «Ночные забавы» по пьесе В. Мережко, которую ставит режиссер Аго-Эндрик Керге. В апреле — «Групповое фото» в постановке Романа Баскина. В нашем театре все время чередуется так называемая эстрадная и серьезная комедия. И работают над спектаклями самые разные режиссеры.

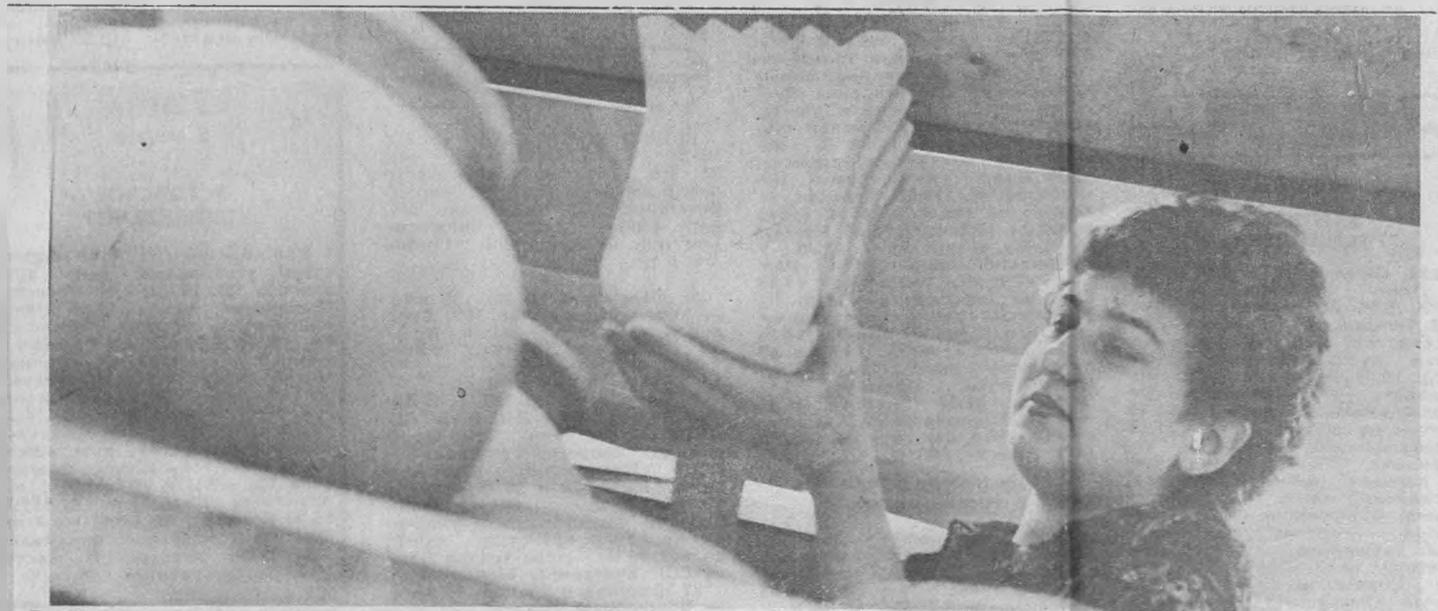
— Вы охотно приглашаете режиссеров из других театров?

— Если человек хочет думать о перспективах своего театра, он должен доверять режиссерам с самыми различными творческими почерками, и особенно — молодежи. Да и группа «обедняется», если все время работает с одним и тем же постановщиком. Ведь у человека даже самых широких взглядов в действительности возможности довольно узкие. Было бы у нашего театра больше возможностей, мы бы чаще их приглашали.

— Вы счастливы тем, что у вас теперь есть свой театр?

— Счастлив ли? Конечно. Но меня беспокоит его будущее. Сейчас мы играем в Доме учителя. А дальше? Да и хранить декорации негде — это очень большая проблема. Счастлив ли? Да. Но когда позади 33 года работы на театре, 4 тысячи выступлений, когда объезжено 800 городов и все видно-перевидено от Прибалтики до Узбекистана и Дальнего Востока... Свой театр! Это чудесно. Но я поздно начал со своим театром — в 53 года. А надо было бы — в 35. Тогда хватило бы сил, здоровья. Но одно я знаю точно: без комедии бедной была бы жизнь, ибо она будит мысль.

Беседу вел
Э. АГРАНОВСКАЯ.
Фото Н. Шарубина.

Профессия — керамист.

Фото К. Вооля.